

23 ЯНВАРЯ 1882 года в Хамовнической части, подле Смоленского рынка, а именно — по Проточному переулку, что между Береговым проездом и Никольским переулком (ныне между Смоленской набережной и ул. Чайковского), в десять часов утра шли трое студентов. Спускаясь по Проточному переулку и рискуя поскользнуться и упасть, они подошли к мальчикам лет 10—12. Мальчики были в равных кофточках и пальтецах. Они весело кричали, спускаясь с ледяной горки кто на ногах, а кто и на одном коньке. «Это где тут Ржанова крепость?» — спросил один из студентов. — «Дом купца Ржанова», — пояснил второй студент. В этот момент из-за угла вышла старуха с восточным лицом и в лохмотьях. «Что, что, господи? — захрипела она старческим, пропитым голосом. — Ржанов дом, говорите? Но его уже давно Зимин перекупил. Так что дом теперь Зиминных. Но мы все ржановские, все из Ржановой крепости». — «А где тут трактир при этом притоне?» — снова спросил первый студент. Второй посмотрел на него с досадой. «Притон, батюшка, ихде я не ведаю. Тут люди живут с рождения и до смерти. А притона никакого нету». — «Это наш товарищ спутал», — заговорил третий студент. — Нам нужна Ржанова крепость. И нужен трактирщик Иван Федотыч Копылов». Старуха закашлялась, недоверчиво глядя на студентов. «Ржанова крепость — эти все дома и есть, где мы живем. А трактирщик ентот, что квартиры нам сдает, Копылов, то это вон там, внизу, за угол налево...». Студенты поблагодарили и вскоре отыскали грязный, вонючий трактир. Их встретил половой. И отвел к конторке Ивана Федотыча Копылова.

А спустя час по Никольской улице спустился дородный барин лет за пятьдесят в широкой шубе, нараспашку и с суковатой палкой в руках. Он долго рассматривал облезлые жилые дома, покосившиеся ворота, несколько дверей — трактира, кабака, съестных и сапожной лавочек. Потом вздохнул и быстро спустился вниз, к трактиру Копылова. Буфетчик выскочил из-за стойки и, готовясь снять шубу с посетителя, весело здоровался и спрашивал, что «господин хороший» заказет сегодня. «Мне вот что, братец. Где здесь счетчики?» — «Это которые?» — «Те, что переписи провожат». — «Студенты, что ль?» — «Наверное. Я точно не знаю». — «А это мы сейчас. Эй Ваня!». Подбежал половой, худой, горбоносый, с желтым цветом лица. «Проводи барина к счетчикам. Они в большой корпус над колодезем пошли. Честь имею, господин хороший. А я, знаете ли, сударь, и есть

хозяин сего трактира, калужский мужик Копылов. Изволь, окромя трактира, снимать половину квартир зиминского дома и сдавать их жильцам. Жильцы у меня отменные. Все работают и воровством не промышляют. Ежели чего нужно будет, с идите ко мне. А вы что начальство этих студентов-счетчиков? Или как?» — «Начальство», — засмеялся господин в шубе. И пошел следом за половым. Студентов было трое. Со второго курса юридического факультета Московского университета. Господин в шубе протянул им широкую ладонь. — «Давайте знакомиться, господа. Я здесь у вас от думы, вроде бы за

отдать «в услужение». Так что все «роли» этой семьи были строго распределены и приют им только бы помещал. Их сосед — мужик, часами сидевший на койке и тупо разглядывавший свои голые ноги, — нуждался не столько в еде, сколько в похмельи. Словом, «в этой квартире, — как писал позднее Лев Толстой, — не было таких, какими, я полагал, переполнен весь дом, таких, которых бы я мог осчастливить, дав им денег. А были бедные, как мне показалось, сомнительные. Я решил, что в помощи, которую мы будем подавать, нужна очередь: сначала самым несчастным, а потом уже этим».

ад». «Взгляд Толстого на Ржанову крепость, — писал А. В. Амфитеатров, — стал проходить во многом сквозь чужую призму, представленную ему человеком, к которому он, среди окруживших его «дикарей», инстинктивно прижался, как к переводчику, да, пожалуй, и «всюду племени». Кроме того, большой знаток в крестьянстве, здесь он, по-видимому, впервые очутился перед новым для него классом городского пролетариата низшей категории». Скорее всего, это правда, су-

торое, хочешь не хочешь, посмотрится все общество и каждый из нас. Что же надо сделать? Надо к переписи присоединить дело любовного общения богатых, досужных и просвещенных — с нищими, давленными и темными. Ведь случай единственный, господа! 80 человек энергичных, образованных людей, имея под рукой 2.000 человек таких же молодых людей, обходят всю Москву и не оставят ни одного человека в Москве, не войдя с ним в личные отношения. Все язы общества, язы нищеты, разврата, невежества — все будут обнажены. Что ж, неужели успокоиться на этом? Пусть будет то, что те рабочие, за-

века, куда он жив: ниже, смраднее, гаже, безнадежнее остается уж только разложение трупа». В последний, третий день переписи населения произошел неприятнейший случай. Лев Толстой много и ярко рассказывал о Ржановой крепости своим светским друзьям. И вот, страшно заинтригованные, человек двадцать его слушателей — богатые студенты, офицеры, светские щеголи — собрались идти в ночлежный дом, как собираются на охоту, дуэль или на войну. Все они оделись в охотничьи куртки, в высокие дорожные сапоги. А вместо полагающихся к их костюмам охотничьих ружей взяли «особенные» записные книжки и «необыкновенные» карандаши. «На них яснее видна была глупость и фальшь нашего положения, — с горечью сетовал Толстой, — но и все мы остальные были в таком же фальшивом положении». Дело было ночью, когда все ночлежники должны были быть дома. Перед «обходом», похожем скорее на травлю зверя, состоялся своего рода «военный совет», где ни о переписи, ни тем более о благотворительности не было сказано ни слова. И результат не заставил себя ждать. Когда вся эта «светская орда» нахлынула на Ржанову крепость, прошел слух об облаве. И тут началось повальное бегство ночлежников. Толстой уговорил хозяйна запереть ворота. Но обитатели Ржановой крепости убежали черными ходами и через окна. А те, которые удалось собрать во дворе, стояли, как затравленные звери, не верили ни единому слову счетчиков и готовы были на все. Готовы так, что хозяин трактира Копылов, боясь за безопасность господ, просил их уйти подобру-поздорову. «И мне стало совестно и больно, — сознается Л. Н. Толстой, — и я понял, что то, что я затевал, было гадко, глупо и потому невозможно. И я уже никого не записывал и не спрашивал, зная, что из этого ничего не выйдет».

ПРОШЛО двадцать лет. И немолодой уже Лев Николаевич Толстой снова живо и ярко припомнил ту страшную Ржанову крепость. В которой по собственной воле и своей просьбе провел три дня во время переписи населения 1882 года. И он поселил в этом доме главного героя своей пьесы «Живой труп». Именно здесь, в стенах этой ночлежки, — как показал журналист и литературовед А. А. Шамапов, — скрывался от жены, друзей и полиции Федя Протасов. Этот необыкновенный «живой труп» среди полутора сотен самых обыкновенных живых трупов-ржановцев.

Вадим МАРИН.

РЖАНОВА КРЕПОСТЬ

2107

Выпуск № 3 (62)

начальство. А зовут меня Лев Николаевич Толстой». Студенты тоже представились: Евгений Пассек, Беккер, Александр Амфитеатров. О двух первых мне сказать нечего. А вот о третьем — Александре Валентиновиче Амфитеатрове — стоит поговорить особо. Он окончил Московский университет. Стал фельетонистом реакционной газеты «Новое Время». Много путешествовал. В конце XIX века совместно с «королем фельетонистов» Власом Михайловичем Дорошевичем основал газету «Россия». За публикацию в ней своего фельетона «Господа Обмановы» о царской семье был сослан в Минусинск, откуда бежал в Париж. После революции 17-го года, вернувшись в Россию Амфитеатров вторично иммигрировал. Умер он в 1938 г. в Леванто в Италии. В 22-м томе собрания сочинений — «Властители дум» — Амфитеатров поместил интересный историко-мемуарный очерк о Л. Н. Толстом. Впрочем, сто лет назад, в 1882 г., все это было впереди. А теперь, пока счетчики, «точно следователи», допрашивали жильцов и заполняли красные карточки, Лев Толстой оглядывал квартиру № 30, в которой жило около десяти человек, и расспрашивал их для своей цели. Он мечтал помочь этим людям. Но не деньгами, «которые развращают», а чем-то иным. Но помочь никому не смог. Хозяйка сдававшейся покомнатно квартиры жила в достатке. Вечно пьяные, опустившиеся дворняги, среди которых был один офицер, любую помощь готовы были пустить на водку и карты. Когда Толстой предложил женщине, брошенной мужем, поместить ее детей в приют, она перепугалась. Старшая дочь помогала ей в стирке белья и вскоре должна была пойти в «конфетчицы» (то бишь в «гулящие женщины»), что дало бы матери постоянный доход. Средняя нянчилась с малышом и тоже причислась к «конфетчицам». А мальчика уже в 5—6 лет можно было

Но все первоначальные попытки найти истинно бедных и озлобленных людей у Льва Толстого не удавались. «Первое впечатление было то, — писал Толстой, — что большинство живущих здесь все рабочие люди и люди очень добрые». Это странно. Ибо Ржанова крепость сто лет назад была дном. И, пожалуй, одним из самых ужасных. Чем же объяснить эту противоречивость? Амфитеатров объясняет это главным образом тем, что Толстой, несмотря на все свое писательское величие (к 1882 г. им были уже написаны «Война и мир» и «Анна Каренина»), был в чисто житейском смысле очень наивным человеком. Кроме того, в начале 80-х годов совершалась глубокая ломка в душе писателя. Он охладел к художественной литературе и даже во всеуслышанье осуждал как «барскую забаву» свои прежние романы и повести. Добавим, что трактирщик и хозяин большинства квартир Копылов, мужик, видно, хитрый и тонкий, основательно подготовил Ржанову крепость к нашествию переписчиков. Да и Толстого он старался не водить по своим самым гнусным местам. «Большую половину жителей мы заставляли за работой: прачек над корытами, столяров за верстаками, сапожников на своих стульях, — писал Л. Н. Толстой. — Тесные квартиры были полны народом, и шла энергичная, веселая работа. Пахло рабочим потом». Амфитеатров считал, что Толстой начал с того, что не разглядел трактирщика и хозяина многих квартир Копылова, этого «привратника» в

для по самим записям Толстого. А также по тому факту, что Толстой смог увидеть «веселую работу» в нечеловеческих условиях и учуять «брадобитный пот», не почувствовав до конца всю его почти животную соленьость в клетушках Ржановой крепости. Одного ржановского «стрелка» (нищего с привороткой) он, не зная этого слова и стараясь его понять, тихо спросил: «Вы жулик?». В ответ на что услышал такую отборную брань, что стремглав выскочил в коридор.

ПОСЛЕ первого дня переписи Лев Толстой пригласил студентов к себе домой. Тогда он еще не был вегетарианцем, курил, мог выпить стакан вина. Кроме Пассека и Амфитеатрова, были графиня Софья Андреевна Толстая, их сын Сергей Львович и Василий Иванович Суриков, который как раз перед этим (в 1881 г.) написал свое знаменитое «Утро стрелецкой казни». Сначала Софья Андреевна с резкостью говорила о «зачумленных местах», где находились ее муж и студенты. Потом заговорил Толстой. «Господа! Цель переписи научная. Перепись есть социологическое исследование. Цель же науки социологии — счастье людей. Счетчик приходит в ночлежный дом, в подвале находит умирающего от беснормиды человека и учтиво спрашивает: звание, имя, отчество, род занятия и после небольшого колебания о том, внести ли его в список как живого записывает и продолжает дальше. И так ходят 2.000 молодых людей. Это нехорошо. Статистик, делающий вывод из цифр, может быть равнодушным к людям, но мы, счетчики, видящие этих людей и не имеющие никаких научных увлечений, не можем относиться к ним не по-человечески. Для общества, господа, интерес и значение переписи в том, что она дает ему зеркало, в ко-

шедшие в Москву и проехавшие себя одежду и не могущие вернуться в деревню, будут отправлены домой, что сироты заброшенные будут призраны, что ослабевшие старики и старухи нищие, живущие на милосердие товарищей нищих, будут избавлены от полуголодной смерти... Пускай механики придумывают машины, как приподнять тяжесть, давящую нас. — это хорошее дело, но пока они выдумали, давайте мы по-дурацки, по-мужицки, по-крестьянски, по-христиански налегнем народом, — не поднимем ли? Дружной, братцы, разом!».

И ВСЕ-ТАКИ они увидели то, что не хотел показывать им Копылов. Это был «самый черный ад» — ужасный дом Падалки. (Одна фамилия чего стоит!). Любопытно, что Лев Толстой ни разу нигде о нем не упомянул. Хотя на него этот дом в Ржановой крепости произвел наибольшее впечатление. Что же это такое? К сожалению, кроме нескольких фраз в описании Амфитеатрова, ничего конкретного до наших дней не дошло. Вот что писал А. В. Амфитеатров: «Страшнее, мерзее и отчаянее пропасти человеческой, под обманым именем человеческого жилья, я никогда не видел, если не считать тюрем Бияз Кулы в Салониках... Подвалы Падалки кишели какими-то подобными людьми: — старых, страшных, больных, искалеченных и почти сплошь голых. Воистину, «злая яма». Когда мы поднялись из этого проклятого подземелья обратно на белый свет, Лев Николаевич был в лице бледнее бумаги. Я не видел его таким ни прежде, ни после. И, действительно, было отчего... Потому что мы видели границу падения чело-